дует «пиво мартовское подделное». «До полночи» они трудятся «у пивного ведра», «поутру встать» не могут, «где клобук с мантией», того не помнят.

Монахам рисуется раздолье, которое наступило бы, если бы по их просьбе убрали непокорного архимандрита: «А в онбарах просто же прибавим: рожь да ячмень в солод израстим, да пива наварим, овсяные брашки поставим, а на денги вина прикупим... прикажем колокола отвезать, велим в Кашин сослать и на вино променять... ладану да свеч не станем жечь, ... ризы да книги в сушило вынесем, церковь замкнем». Если же архимандрита не уберут, то монахи угрожают — «в руки возмем посошки, да ступим по дорошки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем». «Добрый архимандрит» рисуется этим обиженным пьяницам таким, который «с нами горазд лежа вино да пива пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить».

Отдельные детали этих двух параллельных картин некоторыми списками пропускаются, так как среди них немало повторений. Но эти пропуски нисколько не изменяют общей физиономии памятника. В лубочном издании как будто улавливается некоторая тенденция — пропустить то, что относится к изображению монахами «доброго архимандрита»: их обращение к Гавриилу, чтобы он «почащей пива варил, да нашу братью до пьяна поил, а в церковь бы пореже ходил», угроза уйти в другой монастырь, если порядки не переменятся. Может быть издатель избегал намеков на то, что подобный архимандрит вообще возможен? Если действительно этот пропуск не случаен, то издатель, вероятно, хотел ограничить сатиру и отвести ее совершенно от представителей старшего монашеского чина. Но противопоставление обычной распущенной монастырской жизни строгим уставным порядкам сохраняется полностью и в лубочном тексте, так же как сохраняется в нем и вся стилистическая окраска. Поэтому комментировать тему «Калязинской челобитной» и ее стилистическое оформление можно применительно ко всем ее текстам — и рукописным и лубочным.

В виду такой устойчивости текста история «Калязинской челобитной» сводится к вопросам: почему она появилась, почему для читателя XVIII в. сохраняла свою актуальность, и почему, наконец, не взирая на цензурные строгости, она была пропущена в лубочные издания, гораздо более доступные широким читательским массам, чем рукописные сборники.

Калязин монастырь уже в XVI в. не пользовался особым почетом:[1]

[1] Вассиан Косой так отозвался о его основателе Макарии Калязинском: «Господи, что ся за чудотворцы? сказывают, в Калязине Макар чудеса творит, а мужик был сельской». — В. Жмакин. Митр. Даниил и его сочинения, М., 1881, стр. 216.